

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№2 2009 год

классическое наследие

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАО, зав. отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО.
e-mail: ihoraodirect@mail.ru

«Уча других, также учишься». Н.В. Гоголь (к 200-летию со дня рождения)

Не преходящи для отечественного образования не только литературные создания но, и размышления Н.В. Гоголя, 200 лет которого отмечаем мы в эти весенние дни.

Прежде всего, хотел бы привести мнение самого Николая Васильевича о том, чей он писатель – украинский или русский.

В письме А.О. Смирновой 24 декабря 1844 года из Франкфурта Гоголь писал: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком одарены богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохоже одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершенное в человечестве».

Три года спустя в своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь опубликовал проект завещания. В нём есть такое обращение: «...Соотечественники, я вас любил: любил тою любовью, которую не высказывают, которую дал мне бог, за которую благодарю его, как за лучшее благоденствие, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий – во имя этой любви прошу вас выслушать сердцем мою «Прощальную повесть». Клянусь: я не сочинял и не выдумывал её, она выпелась сама собою из души, которую воспитал сам бог испытаньями и горем, а звуки её взяли из сокровенных сил нашей русской природы нам общей, по которой я близкий родственник вам всем» (подч. мною. – В. Д.).

А ещё через 2 года в письме А.М. Вильегорской, Н.В. Гоголь как бы продолжил: «Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себе высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена небесного сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены нелетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи – в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва – русская восприимчивая природа. Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере».

В неотправленном письме В.Г. Белинскому по поводу резкого неприятия его (Гоголя) книги «Выбранные места из переписки с друзьями», Н.В. Гоголь написал: «Что мне сказать вам на резкое замечание, будто русский мужик не склонен к религии и что, говоря о боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое вы с такою самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут говорить, когда так красноречиво говорят тысячи церквей и монастырей, покрывающих русскую землю. Они строятся не дарами богатых, но бедными лептами неимущих, тем самым народом, о котором вы говорите, что он с неуважением отзывается о боге, и который делится последней копейкой с бедным и богом».

И далее: «Вы говорите, что Россия долго и напрасно молилась. Нет, Россия молилась не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась. Она помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов».

Я хотел бы напомнить резкости Гоголя, допущенные в адрес Белинского, только потому, что они не были отправлены критику, а вместо цитируемого письма Н.В. послал письмо, вежливо отмечающего претензии несогласных с ним.

«Нет, Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях лёгкими журнальными статейками и романами тех французских романистов, которые так пристрастны, что не хотят видеть, как из Евангелия исходит истина, и не замечают того, как уродливо и пошло изображена у них жизнь.

...Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите это чтением больших сочинений, а не современных брошюр, писанных разгорячённым умом, совращающим с прямого взгляда».

С нашей точки зрения, книга «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшая среди современников писателя острое неприятие одних и поддержку других, требует более подробного изучения, как со стороны литературоведов так и со стороны других гуманитариев. В этой книге Н.В. Гоголь попытался размышлять над самыми сложными вопросами бытия и сформулировал открыто свои позиции как гражданин.

В опубликованном в книге письме, видимо В.А. Жуковскому, содержится отношение Н.В. Гоголя к просвещению:

«...Уже каким-то неведомым чутьём даже наши светские люди, толкающиеся среди нас, начинают слышать, что есть какое-то сокровище, от которого спасенье, – которое среди нас и которого не видим. Блеснет сокровище, и нам всем отсветится блеск его. И время уже недалеко. Мы повторяем теперь ещё бессмысленно слово “просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и, что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас.

Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду её окружавшие, и знает, зачем произносит. Недаром архиерей, в торжественном служении своём, подымая в обеих руках и троесвещник, знаменующий трицу бога, и двусвещник, знаменующий его сходящее на землю слово в двойном естестве его, и божеском и человеческом, всех ими освещает произнося: “Свет Христов освещает всех!”».

Заботой о просвещении ума и сердца пронизаны все представления Н.В. Гоголя об образовании, о преподавании, об отношении к литературному и художественному творчеству. Идёт ли речь о театре, скульптуре, живописи, музыке и танцах, о преподавании истории, о песенном творчестве и малороссийских песнях, о мыслях о географии, адресованных детскому возрасту и о самом детском возрасте, жаждащем познания, о слове и книге словесности для русского юношества, о науке, прозе и поэзии – Н.В. Гоголь стремился увлечь читателя, не просто сообщить интересные сведения, но приобщить его как единомышленника, приблизить к себе душевно. Хотя его личный преподавательский опыт был неудачным кратким, тем не менее стремление Гоголя к формированию юной личности заслуживает всяческого подражания:

«...цель моя – образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в её истинном величии, сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве – быть верными отечеству и государю».

Как глубокий специалист и блестящий методист выступает Н.В. Гоголь, когда он говорит о преподавании всеобщей истории, утверждая, что: «Всеобщая история, в истинном её значении, не есть собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана, без общей цели, не есть куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде, в каком очень часто её представляют.

Предмет её велик: она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развилось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями и соединить их в одно стройное целое: из них составить одну величественную поэму. Происшествие, не произведшее влияния на мир, не имеет права войти сюда. Все события мира, должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи».

Впечатляет глубина понимания и географии, преподавание которой адресует Н.В. Гоголь детскому возрасту:

«Велика и поразительна область географии: край, где кипит юг, каждое творение бьётся двойной жизнью, и край, где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп; исполины–горы, парящие в небо, наброшенный небрежно, дышащий всю роскошью растительной силы и разнообразия вид, и раскалённые пустыни и степи, оторванный

кусок земли посреди безграничного моря, люди и искусство, и предел всего живущего! Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению! Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзию младенческой души их!

...Детский возраст есть ещё одна жажда, одно безотчётное стремление к познанию. Он всего требует, всё хочет знать. Его более всего интересуют отдалённые земли: как там? Что там такое? Какие там люди? Как живут – эти вопросы стремятся у него толпою, и все они относятся прямо к физической географии, и потому мир в его физическом состоянии – величественный, роскошный, грозный, пленительный – должен и обширнее знать его».

Педагогические советы Н.В. Гоголя, несмотря на полуторавековую давность, не потеряли своей актуальности и значимости. В разделе XVI книги «Выбранные места из переписки с друзьями», который так и озаглавлен «Советы» сформулирован живущий и сегодня принцип учительства:

«Уча других, также учишься», и твердое убеждение в том, что «леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей; он заставил их с отвращением принимать горькие свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать в дитяти». (подчеркнуто мною. – В. Д.)

«...Друг мой!, – написал Н.В. Гоголь в одном из своих включенных в книгу писем, – мы призваны в мир не за тем, чтоб истреблять и разрушать, но подобно самому богу, всё направлять к добру, – даже и то, что уже испортил человек и обратил во зло».

Особое значение сегодня приобретает религиозность Н.В. Гоголя, глубокая его вера в бога, иногда пугавшая современников, подозревавших великого писателя и в религиозном мистицизме и в душевном расстройстве. А между тем Н. В. ещё с молоком матери – глубоко верующей женщины – впитал православие и видел в последующей жизни божественное начало своей судьбы: «Создал меня бог и не скрыл от меня назначения моего. Рождён я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной (хотя и произвёл, да ещё как произвёл! – В. Д.). Дело моё – душа и прочное дело моей жизни (подчеркнуто самим Н. В. – В. Д.). А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно».

Н.В. Гоголь осуществил паломничество в Иерусалим в конце 1847 – начале 1848 гг. Задолго до этого, ещё в 1831 году он написал рассказ «Жизнь», который поражает душевной мудростью молодого тогда писателя, его ощущением духовности мира:

«Бедному сыну пустыни снился сон:

Лежит и расстилается великое Средиземное море, и с трёх разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, сирийские голые пустыни и многолюдный, весь изрытый морем берег Европы.

Стоит в углу над неподвижным морем древний Египет. Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами, обтесанные с сфинксов; идут бесчисленные ступени. Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями. Стоит неподвижен, как очарованный, как мумия, несокрушимая тлением.

Раскинула вольные колонии весёлая Греция. Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелёными рощами, ... мрамор страстный дышит, зажжённый чудным резцом... Корабли как мухи толпятся близ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающийся флаг дыханию ветра.

И всё стоит неподвижно, как бы в окаменелом величии.

Стоит и распростирается железный Рим, устремляя лес копий и сверкая грозною сталью мечей, вперив на всё завистливые очи и протянув свою жилистую десницу. Но он неподвижен, как и все, и не тронется львиными членами.

...Великое Средиземное море не шелохнет, как будто бы царства предстали все на страшный суд перед кончиною мира.

И говорит Египет...: «Народы слушайте! Я один постиг и проник тайну жизни и тайну человека. Всё тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, ещё жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком! Все пожирает смерть, всё живет для смерти».

...И говорит ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков:

«Жизнь сотворена для жизни. Развивай вместе с нею её наслаждения. ...Наслаждайся богоподобный и гордый обладатель мира; ...»

...И говорит покрытый железом Рим, потрясая блестящим лесом копий: «Славы, славы жаждой человек! ...Всё, что не объёмлет взор твой, наполняя своим именем, ...нет границ миру – нет границ и желанию. Дикий и суровый, далее и далее захватывай мир – ты завоеешь, наконец, небо».

Но остановился Рим и вперил орлиные очи свои на восток. К востоку обратила и Греция свои влажные от наслаждения, прекрасные очи; к востоку обратил Египет свои мутные, бесцветные очи.

Камениста земля, презренин народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттенённым иссохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него

исполненными слёз очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

Задумался древний Египет, увитый иероглифами, понижая ниже свои пирамиды; беспокойно глянула прекрасная Греция; опустил очи Рим на железные свои копья; приникла ухом великая Азия с народами – пастырями; нагнулся Арарат, древний пращур земли...»

Отношение Н.В. Гоголя к богу – тема особого доклада и специального (может быть и не одного) исследования, ещё сравнительно недавно вряд ли популярного. Скажу лишь об отношении Н.В. Гоголя к божественному в искусстве и творчестве.

В его рассказе «Портрет» можно прочесть следующее:

«Намёк о божественном, небесном рае заключён для человека в искусстве, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько раз торжественный покой выше всякого волнения мирского; во сколько раз творенье выше разрушенья; во сколько раз ангел одной только чистой невинностью светлой души своей выше всех несметных сил и гордых страстей сатаны, – во столько раз выше всего, что ни есть на свете, высокое создание искусства». Потому что, как скажет Н.В. позднее в письме В.А. Жуковскому:

«Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства.

Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди (подчеркнуто самим Н.В. – В. Д.), созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства... чтобы каждый почувствовал их в себе в самом и загорелся бы желанием развить и возлелеять в себе самом... Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал в себе самом... и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и таким образом действуя, искусство исполнит своё назначение и внесёт порядок и стройность в общество!»

Высочайший уровень поэтичности – лирические отступления

Н.В. Гоголя в его поэме «Мертвые души», уникальный пример высокой поэзии в прозе. Напомним лишь некоторые.

«Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальной своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не спускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим братьям, и не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от неё величественные образы. Вдвойне завиден прекрасный удел его: он среди их как в родной семье; а между тем далеко и громко разносится его слава.

...При одном имени его уже объемлются трепетом молодые пылкие сердца, ответные слезы ему блещут во всех очах... Нет равного ему в силе – он бог! Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшему вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силой неумолимого резца дерзнувшему выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слёз и единодушного восторга взволнованных им душ... Сурово его поприще, и горько почувствует он своё одиночество.

И долго ещё определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать её сквозь видный миру смех и не зримые, неведомые ему слезы! И далеко ещё до время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымет из облаченной в святой ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...».

Лирические отступления в поэме «Мёртвые души» – это высоким слогом сложенная песнь о Руси, о России. Он спел её сердцем. Вот почему попросил он не ставить над ним никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина не достойном. Он был уверен, что кому он действительно дорог, тот воздвигнет памятник Гоголю в самом себе своей непоколебимой твердостью в жизненном деле, кто вырастит духом и покажет, что действительно был ему другом. «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далёка тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе...»

Но какая нас непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что завёт, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют, и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?

Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? .. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор?

Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно обнимет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

«Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога... Боже! Как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грёз, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!..»

«...И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Чёрт побори все!» – его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успеваешь означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижимы.

Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарядит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом, снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик; борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!... И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в неведомых светом конях? Эх кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь куда же несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванным в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».